

КАТЯ РАЙТ ОТТОРЖЕНИЕ

18+

Катя Райт
Отторжение
Серия «Popcorn books»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712569

*Отторжение:
ISBN 978-5-6048364-6-0*

Аннотация

Рита Грейсон переезжает в другой город и идет в новую школу. Все складывается удачно: она быстро заводит друзей и набирает популярность в классе. Но у Риты есть один маленький секрет – ее брат Питер. Он ведет жизнь затворника и не выходит даже на задний двор. И все из-за ужасного шрама на пол-лица.

Однажды под дверью Грейсонов возникает огненно-рыжий одноклассник Риты Шон. Он приходит, чтобы предложить Питеру дружбу. Шон – изгой в школе, и Рита не уверена в искренности его намерений.

Содержание

Рита	5
Питер	12
Шон	16
Рита	21
Питер	26
Рита	31
Шон	34
Рита	40
Шон	44
Рита	50
Питер	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Катя Райт

Отторжение

© Катя Райт, 2023

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

Cover art by © Corey Brickley, 2023

Рита

Завтрак накрыт. Я подлетаю к кухонному шкафу и быстро, пока мама не успела ничего проворчать, беру горсть мармеладок. Красные, желтые, зеленые, посыпанные сахаром, они приятно липнут к ладони. Солнце пробивается яркими лучами сквозь шторы и бросает блики на стол. Я не могу удержаться, достаю из сумки телефон и фотографирую. Чашка кофе: моя и Питера – чуть вошла в кадр. Тарелка с хлопьями, бутылка молока. Высыпаю рядом сахарные мармеладки. Скатерть с маленькими незабудками и лучи солнца как две параллельные дорожки на поле.

– О боже! – Папа закатывает глаза. – Ты никогда не прекратишь это!

Мы смеемся. Я переключаю камеру на телефоне, вытягиваю руку и делаю селфи чуть сверху, чтобы захватить свое желтое платье в белый горох, такое же легкое и яркое, как сегодняшний сентябрьский день.

Пока публикую фото в инстаграме, к завтраку спускается мой брат Питер.¹

Мы двойняшки. Он родился на несколько минут раньше. Он классный. Добрый, отзывчивый и ни разу не отказывал мне. А так как он всегда был объективно сообразительнее

¹ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

во всем, что касалось школьных предметов, обращалась я к нему часто.

– Привет, дорогой, – расплывается в улыбке мама.

– Доброе утро, – папа делает жест рукой.

– Доброе, – отвечает Питер ровным голосом.

Я машу ему и тоже улыбаюсь. Он садится на свое место. За последние два года Питер научился садиться и вообще двигаться так, чтобы мы видели только одну сторону его лица. Вернее, чтобы не видели ту, которая пострадала при несчастном случае. Он всегда немного вполоборота, всегда как будто отворачивается или смотрит в сторону. Он так наловчился, что мы можем несколько дней кряду даже не вспоминать, что у Питера вместо правой стороны лица уродливый ожог. Вернее было бы сказать, у Питера вообще нет половины лица. Несчастный случай. Так мы договорились называть то, что произошло, – Питер сам настоял, чтобы ничего, кроме «несчастный случай», никогда не произносилось. Хотя мы почти не говорим об этом. Уж точно никогда не говорим об этом с Питером.

Мы переехали в Аннаполис из Бостона в начале июня, и мне было невероятно одиноко до школы. Мне хотелось купаться, сидеть на берегу, бегать по пляжу. Хотелось бродить по набережным и пирсам. Берег здесь изрезан заливами и крошечными бухтами. Если смотреть на карту, то частные пристани для катеров похожи на зубчики старой расчески,

выпирают то тут, то там. А когда идешь вдоль них, ничего такого не видно – просто обычные яхты. Еще мне очень хотелось перебраться на другую сторону моста Чесапик Бэй. Вообще правильное название – мост имени Уильяма Престо-на Лейна – младшего, но так его никто не называет. Просто Чесапик Бэй. Не путать с тем, у которого есть тоннели. Но не сложилось – родители занимались переездом и, естественно, втягивали во все домашние дела меня. Сначала часть коробок застряла где-то под Филадельфией, и папа обрывал телефоны компании-перевозчика. Потом вместе с нашими коробками приехали чужие, нам пришлось искать хозяев и отправлять груз обратно. Потом мама задумала переставить мебель, и началась невероятная движуха. Диван – к окну. Да нет, к другому. Рядом – лампа, картину – на стену. Да нет, не на ту. Да нет, не ту картину. Шкафов в кухне оказалось недостаточно для всей нашей посуды, и пришлось вызывать плотника, чтобы он снял мерки и сделал еще парочку. Цвет новых шкафов не совпал с теми, что висели на кухне, и пришлось подбирать краску и перекрашивать все. В общем, переезд длился прямо до конца августа, а потом на крыльце треснула доска. Папа – доктор философии и никогда не держал в руках топора или пилы, так что опять пришел плотник. Теперь одна доска на заднем крыльце так и светится, выбиваясь из общего потертого фона.

Новый дом с терракотовой черепичной крышей и широким крыльцом раза в два больше того, что был у нас в Босто-

не. Газон после стрижки обнажил проплешины и залысины, но совершенно их не стеснялся и даже гордо поблескивал на солнце, подмигивая каплями из поливального шланга.

Поначалу все выглядело немного заброшенным, в основном из-за веток, сложенных горой на заднем дворе. Папа купил измельчитель, чтобы разобраться с ними. Он даже позвал Питера помочь ему, но куда там – брат ни за что не выйдет даже на крыльцо. Так что ветки до сих пор лежат там бесформенным шалашом.

От нас до Балтимора около часа езды на машине. В Балтиморе Питеру должны сделать очередную операцию. Хороший доктор, говорят. Хорошая клиника. Да и было просто необходимо сменить обстановку, потому что там, где мы жили раньше, все слишком много знали. Все знали всё, честно говоря, и «несчастный случай» не очень-то прокатывал. Люди смотрели на Питера с жалостью, потому что газеты раструбили о том, что произошло, и брата это страшно бесило. Нас всех бесило, ведь взгляды были такими очевидными – не скрыться. А соседские мальчишки, эти мелкие дрянные засранцы, всё норовили заглянуть к нам в окна, чтобы увидеть Питера. Ух, как же они меня раздражали!

Здесь мы поселились в пригороде. По своим университетским связям папа нашел Питеру лучших преподавателей для дистанционного обучения, и, по-моему, брат уже давно оставил позади школьную программу. Он постоянно за книжка-

ми. Перелопатил всю отцовскую библиотеку – часть ее из бостонской гостиной переехала прямиком в его здешнюю комнату. И вот в новой берлоге Питера книги уже не умещаются на полках и лежат на полу башенками.

Школа Броднек классная. Спустя пару недель после начала учебного года у меня уже появилась подруга. Памела Кастлрой, яркая блондинка, звезда школы, подошла на третий день и спросила, есть ли у меня аккаунт в инстаграме. Я ответила, что, конечно, есть, и мы подписались друг на друга. «Ты не теряйся тут², – сказала тогда Памела. – Я тебя со всеми познакомлю». И она сдержала обещание.

Тим Портер. Высокий красавчик с фигурой как у спасателя из сериала, с коротко стриженными волосами цвета подпаленной скорлупы жареного каштана. Квотербек и капитан школьной футбольной команды. Авторитет и безоговорочный лидер. Он с интересом поглядывает в мою сторону. Както на перемене, когда он со свойственной ему небрежностью закидывал учебники в рюкзак, я сфотографировала его. Думала, не заметит, но он поймал мой взгляд и подмигнул. На уроках он опрятный и примерный, на тренировках – напористый и активный. Можно с ума сойти, наблюдая, как они с парнями носятся по полю под свистки и громкие команды тренера.

² Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Джерри Ланкастер, друг Тима. Тоже футболист, центр-вой лайнмен. На нем рубашки просто трещат – такой он накачанный. А рубашек у него... Кажется, они ни разу не повторялись. И улыбка широченная, во все зубы. Памела говорит, он по полчаса вертится перед зеркалом, прежде чем выйти куда-то.

Еще один друг Тима и товарищ по команде Осборн Квинс. Его кожа словно растопленный шоколад. Серьга в ухе – как у знаменитых рэперов, серебряный браслет на запястье. Осборн всегда носит кроссовки. Даже с брюками и рубашками. Шутит, что его стопа создана для спорта. Он невероятно позитивный, всегда с улыбкой и каждое утро с новой шуткой.

В школе Броднек все ученики носят строгую одежду: парни – рубашки и брюки, девочки – юбки до колен и блузки. Все придерживаются спокойных тонов, все выглядят как одно целое. Кроме Шона Фицджеральда. Машины на парковке тоже примерно одного уровня. Чистые, не то чтобы очень дорогие, но и не колымаги. Все аккуратно выстроены в шеренги. Все, кроме машины Шона Фицджеральда. Яркосиняя «Шевроле» словно выпрыгивает из потока. «Ого!» – Когда вижу ее, буквально рот открываю. «Чья это?» – спрашиваю Памелу. Но она только качает головой и машет рукой. Мы обходим машину спереди, и у меня мурашки пробегают по спине. Правая сторона просто разодрана – как побывавший в стиральной машине кусок картона. Дверь вмята,

стекло покрыто трещинами, краска содрана. Хозяин такой тачки должен был сразу побежать в автосервис, но Фицджеральду, похоже, наплевать. Он входит в кабинет всегда одним из первых, а выходит последним. Я бы никогда даже не узнала его имени, если бы не спросила у Памелы, потому что к нему никто не обращается. Он как пятно на картине класса. Вечно в потертых джинсах и толстовках с капюшоном. Черные, серые, с надписями на спине. Даже в сентябре, который выдался довольно жарким, когда все парни модно закатывали рукава у рубашек, этот не вылезал из своих толстовок. Потертый красный рюкзак всегда перекинут через плечо. Шон ни с кем не здоровается, не разговаривает, ходит опустив голову. Он как будто хочет быть незаметным, но его внешность бросается в глаза. Рыжий, с веснушками по всему лицу, рассыпанными, как звезды по небу. Но не за городом, где звезд слишком много, а скорее на окраине мегаполиса. Волосы его коротко стрижены и всегда растрепаны, словно он расчесывает их разве что собственными пальцами. Я спрашивала несколько раз у Памелы и других девчонок, что с ним не так, но все лишь пожимают плечами и вздыхают, то ли с жалостью, то ли не желая о нем говорить. Этот Фицджеральд, видно, не очень-то приятный тип, раз никто ему даже руки не подает.

Питер

Из маминого любимого сервиза разбилась одна тарелка. Выскользнула, когда они с Ритой выставляли их из коробок в шкаф, освобождая от бумаги. Папа порезался, когда открывал канцелярским ножом измельчитель веток. Это была одна из первых покупок, потому что веток на заднем дворе — целая куча. Почти все лето мы непрерывно наводили порядок и раскладывали вещи.

Мои коробки приехали первыми. Книги прибыли чуть позже, когда я уже успел расставить и прибить все полки. Целая стена полностью занята книгами — от пола до потолка. К августу дом был готов. Началась наша новая жизнь.

Думаю, сложнее всего приходится Рите. Новая школа, новые друзья. Но она умница — люди сами к ней тянутся. Она справится. Весь сентябрь сестра была как на иголках, но к концу первого учебного месяца стало легче. Я чувствовал это в каждом ее движении, в том, как она приходила из школы и либо тяжело опускалась на диван в гостиной, либо взлетала по лестнице в свою комнату.

Сегодня папа подходит ко мне с просьбой. Он знает не знает, что делать с этим измельчителем, но гора веток на заднем дворе такая огромная, что даже доктора философии толкает на садовые работы.

– Поможешь мне, Питер? – Он кивает на заднюю дверь.

Я отрицательно мотаю головой. Никогда и ни за что я не выйду из дома. Я сто раз говорил. Даже на задний двор.

– Боюсь, один не справлюсь, – вздыхает папа. – Вообще не представляю, как их все переработать...

Я пожимаю плечами.

– Пойду в своей комнате уберусь, – говорю.

Я переставляю книги каждые две недели. Можно расставить по размеру, чтобы они тянулись ровными рядами. Можно по темам, по алфавиту или по цветам. Медленно вынимаю книги с полок, складываю в стопки, потом начинаю разбирать. Прочитанные поставлю выше. Научные – на полки ближе к столу. Физика, математика, химия. Толстые биографии определяю отдельно. Леонардо да Винчи, Архимед, Стив Джобс, Бенджамин Франклин, Альберт Эйнштейн. Нет, лучше по алфавиту. Или по годам жизни? Часть книг не помещается на полках. Их складываю стопками в углу. Еще несколько больших энциклопедий и подарочных альбомов о лошадях. Рассматриваю их, провожу рукой по обложкам. На одной – фотография гнедого арабского скакуна и золотое тиснение. Ее мне подарили за победу в соревнованиях округа. Там внутри, на форзаце, есть даже памятная надпись. Но я не открываю книгу. Надо бы вообще все их убрать подальше. Может, продать на e-bay? А может, выбросить? Жокейский шлем, седло и прочую экипировку я же продал. Так к чему хранить эти альбомы? Хотя, подписанные, они, наверное,

никому не нужны. Убираю их под кровать – с глаз долой. Кубки и победные статуэтки остались под кроватью в нашем старом доме в Бостоне.

Расстановка книг успокаивает. Это как медитация или практики дыхания, которым меня учил мой врач. Тогда, после первой операции, я стал задыхаться. Не из-за нехватки воздуха, а от слез. Я так ревел, когда меня никто не видел, что в прямом смысле захлебывался. Зажимал рот подушкой. Чувствовал прикосновения ткани к своему лицу, отбрасывал подушку. И рыдал еще сильнее. Никто никогда не видел этого. Сейчас такого уже не случается. Я не привык, конечно, – просто слезы, наверное, кончились. К тому, каким я стал, невозможно привыкнуть. Можно просто приучить себя не смотреть. И я не смотрю.

– Может, съездим на пляж? – спрашивает за ужином Рита. – Может, в выходные? – Она смотрит на папу, а папа переводит взгляд на меня.

– Можете ехать, – отвечаю.

– Ну Пи-и-итер! – тянет Рита и делает жалобные глаза.

Только она умеет сделать такие глаза, что, спорю, лидер Северной Кореи выпустил бы всех заключенных из лагерей, увидь он этот взгляд. На меня это безоговорочно действовало раньше. Теперь – нет.

– Рита! – обрываю.

Ну все же знают, что я не выхожу. Все всё знают и пе-

риодически пытаются что-то предложить. Как будто я забуду, что ли? Ах да, конечно, поехали на реку, а потом сходим в кино, прогуляемся, накупим всякой всячины, посидим в KFC. Ой, простите, я же совсем забыл, что я урод и все вокруг будут таращиться на меня, дети будут показывать пальцем, родители – одергивать их и шипеть, что так нельзя. А потом будут жалеть, охать и стыдливо отводить глаза. Нет, ничего я не забыл.

Шон

Возвращаюсь домой из школы. Открываю дверь. Рюкзак сползает с плеча. Волоку его за собой на второй этаж. В комнате стягиваю кеды, бросаю толстовку на кровать. Осень в этом году жаркая. Вообще с погодой творится черт знает что. Иногда думаю, лучше бы согласился на переезд, когда папа предлагал. Умотали бы куда-нибудь на север, в Массачусетс, или в Мэн, или вообще на Аляску. Так далеко папа бы, конечно, не согласился, хотя Аляска было бы самое то. Но мы остались, а теперь уж папа и слушать меня не станет.

– Шон, милый. – Мама быстро поднимается по лестнице и подходит к моей комнате. – Как дела в школе?

– Как всегда, – отвечаю, не глядя на нее.

– Что-нибудь будет в честь Хэллоуина?

– Ага, – бурчу, – наряжусь в самого себя и пойду на кладбище...

– Шон... – Мама качает головой.

– Что?

– Не говори так!

– Ладно, не буду.

– Сейчас папа вернется. Пойдем ужинать?

Не хочу спускаться и сидеть с родителями за столом. Им это особого удовольствия не доставит, поэтому отвечаю:

– Нет.

– Нам тебя так не хватает, Шон, – вздыхает мама и окидывает взглядом мою комнату.

А комната у меня – полный бардак. Книжки, учебники свалены у стола в стопки, которые напоминают съезд пизанских башен. Часть одежды – на стуле возле шкафа, стол и подоконник завалены обрезками бумаги, чертежами, тюбиками клея, готовыми и неполучившимися деталями бумажных макетов зданий. Тут же карандаши, линейки, кисточки, вымазанные белой гуашью, и баночки с краской. Спортивный инвентарь и смятые старые плакаты мама не видит – они под кроватью. В углу один на другом громоздятся готовые архитектурные макеты. Дом в викторианском стиле давит на крышу американской закусочной, полукруг стадиона выглядывает из-под Эмпайр-Стейт-Билдинг.

– Может, уберешься, а то как-то у тебя неопрятно... – Мама пытается улыбнуться, но выходит устало.

– Да ладно, нормально, – говорю и кидаю рюкзак прямо на макеты. Они глухо хрустят.

– Зачем ты так, Шон! – Мама поджимает губы и качает головой. – Такие красивые! Мне они очень нравятся...

– Да фигня.

После ужина, уже поздно вечером, когда родители смотрят телик внизу, спускаюсь перекусить.

– Поешь нормально, Шон, – говорит мама. – Там, в холодильнике, курица и салат.

– Угу, – киваю.

Когда отламываю крылья у запеченной курицы, в кухне появляется папа. Хотя и не вижу, узнаю по шагам. И еще по тому, что за секунду до него в комнату всегда входит разочарование.

– Как в школе, сынок? – спрашивает он, и разочарование злобно ухмыляется, развалившись на стуле.

– Как всегда, – отвечаю.

Папа молчит сначала. Потом говорит, что мама сегодня приготовила обалденно вкусную курицу. Глупо так – мама всегда готовит обалденно. Потом папа замечает с деланой непринужденностью, что они оставили мне мои любимые крылья. Тоже глупо – с детства ем у курицы только крылья. И опять повисает пауза. В общем, отца можно понять – не о чем ему особенно со мной разговаривать, а у него же вроде как родительские обязанности и все такое. Он приличный воспитанный человек и не может просто так взять и выставить меня из дома.

– Я тут подумал, Шон, – он кладет руку мне на плечо, и меня передергивает, – может, как в старые времена, повожизимся с машиной, а?

– Не надо делать вид, что тебе приятно со мной, – отрезаю.

– Ну что ты, сынок...

– Не надо, пап! – повышаю голос. – Ничего не надо, ладно?

Вытаскиваю тарелку с крылышками из микроволновки, накладываю салат и быстро иду к себе.

– Мы все еще можем отдать твою «шевроле» в ремонт! – кричит папа мне вслед.

Звучит как будто «мы все еще можем отдать в ремонт *тебя*».

Помню, этим летом, Четвертого июля, родители решили устроить праздник. Вроде как показать, что у нас все в порядке, что мы по-прежнему настоящая счастливая семья и не разучились за прошедший год радоваться жизни. Позвали друзей, родственников. Набралась целая лужайка народу. Пили мамину маргариту и ели папины хот-доги. Все, кроме меня. Младший Фицджеральд теперь ведь не вписывается в семейный портрет. Но мне захотелось пить, жажда заставила отлипнуть от макетов и спуститься на кухню. Папа, понятное дело, не знал, что на горизонте появились лишние уши. Он стоял с дядей Роном на заднем дворе, и через открытую дверь до меня долетели обрывки их разговора.

– Боюсь, его уже не починить, – выдохнул отец.

Мне даже показалось, что папа говорит о катере, но катер мы продали. Может, о копировальном автомате у себя в офисе?

– Не стоит отчаиваться, – ответил дядя. – Все еще может наладиться, Кларк. Время лечит.

Тут стало ясно, что копировальному автомату время на пользу точно не идет. Конечно, они говорили обо мне.

– Мне иногда кажется, что становится только хуже, – тя-

жело выдавил из себя папа. Голос у него был тихий, как будто охрипший или уставший. – Не знаю, как будто время работает против нас.

Можно было послушать дальше, но не хотелось нарушать атмосферу.

Да уж, если бы были мастерские по ремонту сыновей, папа бы годовую зарплату не пожалел. А теперь ему просто приходится делать вид, что он меня по-прежнему любит. Когда в конце прошлого учебного года случилась эта авария, когда разворотил себе всю бочину, папа на меня так посмотрел, будто это было специально, чтобы его позлить. На самом деле нет, конечно. Он думает, что все мои мысли только о том, как бы разочаровать его. Но, во-первых, больше, чем есть, разочаровать уже невозможно. Просто у разочарования, как и у всего, есть предел, и в нашей семье он достигнут. Тогда накрыло очередным срывом, и, чтобы ничего с собой не сделать, поехал в поле, стал гонять там и врезался в дерево. Потом меня опять потащили к психологу. Ну, ведь на огромном поле дерево было одно, и только идиот вроде меня мог врезаться в него.

Рита

Тридцать первого октября у Питера день рождения. Тридцать первого октября у нас с Питером день рождения, поэтому я пропускаю Хэллоуин и после уроков спешу домой. Как бы мне хотелось куда-нибудь выбраться, как раньше. В ресторан, или в кино всей семьей, или хоть просто в занюханый «Макдоналдс» на шоссе Блу Стар Мемориал. Каждый Хэллоуин для нас всегда был двойным праздником. Днем мы бегали с друзьями, нарядившись в костюмы, и запугивали соседей, вымогая сладости, а вечером смывали краску с лиц и отправлялись с родителями в ресторан или оставались дома и принимали гостей. Наш день рождения всегда был пропитан ароматами корицы, тыквенного пирога и карамельных яблок в шоколадной глазури с разноцветной посыпкой. Мама по-прежнему пытается поддерживать эту атмосферу, но сказочные ароматы не радуют Питера. Из карнавальных костюмов мы выросли, а после несчастного случая даже радость дня рождения испарилась. Но особенно сейчас мне очень хочется, чтобы все стало как прежде. Я надела бы свое любимое платье, и мы пошли бы праздновать. Мы бы считали оранжевые тыквы по дороге, угадывали наперегонки костюмы ряженных детей, дополняя нашу личную энциклопедию монстров. Мы бы сидели в центре зала лучшего ресторана, и смеялись бы, и травили анекдоты, и выслушивали

мои постоянные капризы, и Питер бы морщился нарочито недовольно, папа бы бесконечно шутил, а мама задавала бы мне вопросы. Потом мы бы говорили о Питере, о том, какой он умница, и какие делает успехи в учебе, и как ему все прощают федеральную стипендию и блестящую карьеру. Наверняка у него была бы девушка, и мы стали бы говорить, какая она красавица, а Питер бы только отмахивался. Но ничего этого не будет. Питер ни за что не выйдет из дома и уж тем более не пойдет в общественное место. Он вообще теперь не любит праздники и застолья. Но от семейного ужина ему не отвертеться.

– Куда ты убегаешь? – спрашивает Памела, когда мы стоим у шкафчиков. – У тебя же день рождения!

– Да, – говорю, – и у брата.

А эти шкафчики, яркие, желтые, на них так легко зависнуть. Они образуют идеальную перспективу, протягиваясь с двух сторон вдоль стен коридора. Если не заглядывать внутрь, то может показаться, что и ученики старшей школы Броднек такие же одинаковые, как их шкафчики.

– Да, но ты так и не сказала, – продолжает Памела, как будто хочет подловить меня на чем-то, – почему твой брат не выходит из дома.

– По здоровую, – отвечаю. – Говорила. После несчастного случая он не выходит.

– Что с ним?

– Да так...

– Он симпатичный?

– Перестань!

– Что «перестань»? – Памела надувает губы. – Ты-то красotka. А он не может ходить, да?

– Вроде того.

Как же мне хочется переменить тему. Или залезть в один из шкафчиков и отсидеться там, пока приступ любопытства у Памелы не сойдет на нет. Не хочу говорить ни с кем о Питере. Это вообще не их дело. Не выходит и не выходит. Почему всегда у всех несчастный случай вызывает столько вопросов! Разве мы переехали сюда не для того, чтобы избежать их? Достāju телефон, чтобы отвлечься.

– Ты что, собралась фоткать шкафчики? – Памела в недоумении.

– А что, интересно, – отвечаю, – сделать такой проект: фотографировать шкафчики снаружи и внутри. Представляешь, как у всех внутри все по-разному! Это же целый мир, отражающий хозяина. Вот у тебя, например, что там?

– Да оставь ты эти шкафчики в покое! Может, познакомишь нас как-нибудь? – Памела просто вгрызается в меня своими голубыми глазами.

– С кем?

– С твоим братом! – Она недовольно выдыхает, как будто я полная дуручка и ничего не понимаю. – Мы же подруги.

Я уже готова сказать ей: «Ладно, как-нибудь познаком-

лю», – но меня спасает Тим. Подходит к нам, облакачивается о выступ стены. Он после тренировки, и футболка так обтягивает его бицепс, что я просто оторваться не могу, все смотрю и смотрю на него.

– Хватит болтать о всякой ерунде, – прерывает Тим наш разговор, хотя понятия не имеет, о чем мы говорили.

– Почему о ерунде! – возражает Памела. – Я, между прочим...

– Между прочим, – беспардонно перебивает Портер, – у меня скоро день рождения и вы приглашены на вечеринку. Ты же придешь, Рита?

Я киваю, смущенно расплываясь в улыбке.

Тим достает из кармана телефон.

– Нет, ну вы такие красотки! – Он втискивается между нами и вытягивает руку перед собой. – Давайте для моего инстаграма!³ – Он быстро делает фото и утыкается в экран.

– Дай посмотрю, как я получилась! – прошу, и он показывает.

– Ты красотка! – смеется Тим, нажимает «Поделиться», машет нам и убегает в сторону спортзала.

– Он на тебя запал, – говорит Памела, когда Портер уходит.

– Думаешь?

– А ты не видишь! – улыбается она.

³ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Мне приятно это слышать. Можно ли желать большего, особенно если ты новенькая.

С трудом мне все же удастся отлепиться от Памелы. Вернее, отлепить ее от меня.

Питер

Огромное поле простирается до самого горизонта. Поле, не засеянное ничем, заросшее дикими травами. Никому не нужное, никому не интересное. Кажется, по нему можно идти бесконечно, и никуда не придешь. Но на самом деле там, за полем, есть дорога с оранжевой полосой посередине. Если проехать километров десять на восток, будут заправка и маленький магазин с кафетерием, а еще дальше – одиноко стоящие дома, разбросанные, как планеты в Солнечной системе. На это поле никто не сворачивает. Оно никому не принадлежит, но это надежный рубеж перед маленьким ранчо, обнесенным невысоким забором. За оградой гуляет пара лошадей. Американские верховые. Одна – вороная в загаре, так выгоревшая под ярким солнцем, что выглядит почти бурой. Ну ничего, придет зима, и черный цвет вернется. Вторая – гнедая, огненно-рыжая, как верхушки пылающего костра. Оба жеребца свободно резвятся на зеленом пастбище. Одноэтажный дом стоит в тени деревьев, рядом – конюшня и большой гараж. От дома до автострადы вьется грунтовая дорога. На полпути стоит заграждение и знак с надписью «Частная собственность». Это место идеально и практически неприступно. О нем знают только три человека, кроме меня. Пока оно существует только в моих мечтах, но я надеюсь, что смогу скопить денег, купить землю и создать это

ранчо. Когда-нибудь я поселюсь там, и мне не надо больше будет ни от кого прятаться. А пока на часах 11:30, и у меня назначен сеанс терапии с психологом.

– Может, освободишь сегодня камеру? – первым делом спрашивает мой психолог мисс Руднер.

Я вижу ее на экране компьютера. Каждый раз она пытается уговорить меня оторвать пластырь от веб-камеры. Но было бы куда проще оторвать его от загноившейся раны на теле.

– Нет, – отвечаю.

Когда-нибудь я окончу школу, потом университет заочно, заработаю денег и буду жить на своем ранчо. И мне не нужно будет отвечать на вопросы о заклеенной камере. Пока же я, как обычно, говорю, что чувствую себя хорошо, дела идут, на новом месте обживаюсь. Хотя для меня-то не особенно видна разница. Что круто с мисс Руднер, она всегда умеет настроить меня на весь день, поэтому связь с учителями, уроки, лекции у меня – уже после нее. С преподавателями по школьным предметам проще – они, конечно, знают о моем лице, но не задают вопросов про выключенную камеру. Чтобы заниматься геометрией, или астрономией, или даже литературой, совсем не обязательно видеть человека. Чтобы оценить знания, достаточно просто получать файлы с решенными задачками и слышать правильные ответы.

Сейчас отличное время: можно имитировать жизнь, не выходя из своей комнаты. Все, что нужно, заказываешь через

интернет. Все, что нельзя заказать, тебе по большому счету не очень-то нужно.

– Питер, – кричит мама снизу, когда мы прощаемся с мисс Руднер, – тебе тут посылка!

– Да, сейчас спущусь!

– Что там? – спрашивает мама, когда курьер уезжает, оставив мне большую коробку, – опять книги?

– Да так, кое-что по физике и естественным наукам.

Мама улыбается. Раньше бы она обязательно обняла меня, потрепала по волосам, а теперь я всегда успеваю отстраниться прежде, чем в ней проснется порыв. Даже представить не могу, как ей трудно сдерживаться. Вся ее нежность теперь находит отражение только в улыбке, и поэтому улыбка у мамы очень открытая и широкая. Ей не хватает прежних объятий. Я чувствую это, но ничего не могу изменить. После несчастного случая я довольно быстро выработал привычку двигаться так, чтобы родители и сестра не видели уродливую часть меня. Быстро – это если не считать того периода, когда я просто не хотел жить. Но я всегда знал, что не очень-то имею право на такие мысли. Я не один, чтобы так безответственно распоряжаться своей жизнью и своими желаниями. Как бы там ни сложилось, мои близкие слишком много для меня значат, чтобы причинять им еще большую боль. Нам всем пришлось переехать из-за меня, из-за этой больницы, операции, в которую я не верю, из-за моей потребности

сбежать. И моя семья как будто бежит за мной, задыхаясь и не успевая даже перевести дух. Иногда думаю, зачем нам всем этот марафон, давно бы уже плюнули на меня, оставили бы всё как есть.

В Бостоне у меня было много друзей. У меня была жизнь. Но друзьям стало слишком тяжело скрывать жалость. А ведь невозможно смотреть на меня без этого чувства. Да и что им всем со мной было делать? Гулять не позовешь, на концерт не сходишь – не сидеть же привязанными к моему домашнему режиму.

После первой неудачной операции единственной отдушиной для меня оставалась Дороти, чистокровная арабская лошадь, которая, хоть и не принадлежала мне юридически, была моей. Я приходил в конный клуб под вечер или ранним утром, когда там почти никого не было, пробирался в конюшню к Дороти, чистил ее, мыл, расчесывал гриву, просто сидел рядом или похлопывал ее по морде. И она выдыхала теплый пар мне в лицо, и казалось, у меня все еще было лицо.

Вместе мы выиграли не один турнир. Нас хвалили: меня – за смелость, Дороти – за координацию и примерное послушание. Но на самом деле мы просто как будто становились с ней одним целым. Как только я оказывался верхом, чувствовал ни с чем не сравнимую свободу даже в пределах арены. Мы брали барьер, и перед нами открывался целый мир. Каждое препятствие было порталом, за которым ждала еще

бóльшая свобода. Мне пророчили большое будущее, а когда я падал, тренер всегда кричал: «Береги спину, Питер!» Конечно, никому в спорте не придет в голову кричать: «Береги лицо!», ведь от лица, кажется, ничего не зависит. А вышло, что все не так. Вышло, что без лица у тебя нет ни свободы, ни желания двигаться дальше, ни смелости.

Только Дороти как будто не обращала на мое уродство никакого внимания. Ее свободе это никак не мешало. Но так не могло длиться вечно. Я не мог больше позволить себе скакать верхом – для этого нужно было преодолеть слишком много глаз. А Дороти не могла оставаться в стойле. Ей нашли другого наездника. Она продолжила свою карьеру, а я тогда поклялся никогда больше не выходить из дома. Я перестал отвечать на звонки друзей, удалил все аккаунты в социальных сетях и выключил себя из реальной жизни. Да и из виртуальной тоже. Ведь, как ни крути, чтобы полноценно жить виртуально, ты периодически должен постить какие-то свои фотографии, писать о себе, а для меня это закрытая территория.

Рита

– Что с ним не так, с этим Фицджеральдом? – спрашиваю Памелу, когда рассматриваю в холле фотографии на Стене славы.

– Господи, да что тебе до него. – Памела закатывает глаза – хоть и стою к ней спиной, по голосу это чувствую.

– Почему с ним никто не общается? – продолжаю.

– С чего ты взяла? – Памела вдруг удивляется. – Это они с кем не общаются.

– Правда? А выглядит иначе.

Я киваю на стенд. Там большая фотография школьной футбольной команды за стеклом. Фотография, видимо, прошлогодняя. На ней Фицджеральд стоит в центре, гордо держит свой шлем, улыбается во весь рот, как будто его кто-то очень рассмешил или как будто уровень счастья и самореализации достиг предела подросткового сознания. Вот только сейчас лицо его, вернее, стекло в том месте, где под ним на фото лицо, замазано черным маркером. Я еще раньше, когда рассматривала, заметила царапины, но это пятно пугает.

– Его что, пытались закрасить или испортить? – киваю на фото.

– Ничего-ничего. – Вдруг между нами протискивается школьный уборщик, щуплый седой старик, с лицом, изрезанным тонкими линиями морщин.

Совершенно бесцеремонно он останавливает наш разговор. Его тележка со швабрами и моющими средствами ударяется в стену.

– Сейчас все ототру. – Он оборачивает тряпку вокруг указательного пальца, макает во что-то и начинает скрести по стеклу. Маркер постепенно исчезает.

– Пойдем! – Памела берет меня за руку, а я стою как замороженная.

– Так просто не замажешь, – бурчит себе под нос уборщик. – Тоже мне, придумал...

– Кто это делает? – спрашиваю я.

Уборщик смотрит на меня несколько секунд очень пристально, а потом, не дав ответа, возвращается к своему делу.

Тот же вопрос я задаю Памеле, когда мы возвращаемся в класс.

– Кому нужно замазывать лицо Фицджеральда на фото?

– Да ты что! – Памела качает головой. – Никому не нужно. Он сам.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что Фицджеральд сам это делает, а уборщик потом каждый раз стирает.

Два следующих вечера я сижу в интернете. Я пытаюсь найти хоть что-то про Фицджеральда, но запросы в гугле затухают на прошлогодних датах. Вот он был капитаном, вот команда выигрывала, вот он улыбается с фотографии на Сте-

не славы, и вдруг – все обрывается. Шон Фицджеральд перестает существовать даже для местной прессы, даже для интернета, даже для сайта школы. Разве такое бывает, чтобы у подростка, к тому же довольно симпатичного, не было ни одного профиля хотя бы в фейсбуке? Разве возможно, чтобы вдруг никому стал не интересен перспективный футболист?⁴

⁴ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Шон

Часто приезжаю сюда, на старую лодочную станцию у моста Чесапик Бэй. Надо свернуть с дороги прямо перед въездом на мост. Там тупик. Оставляю машину на обочине и дальше иду пешком. У воды – пара ржавых сараев, пара колымаг и раздолбанный пирс. Здесь пахнет сыростью, машинным маслом и железом. Здесь никогда никого не бывает. Стою обычно на пирсе или, как сейчас, у самой кромки воды и просто смотрю на мост. Огромный, он ведет как будто в другой мир. Сегодня почему-то думаю о Рое Виспоинте. И что он пришел мне в голову, как призрак, который является к своему убийце! Рой учился в нашем классе. Еще два года назад учился. Он был обычным мальчишкой. Мы с пацанами считали его слабаком. Вспоминаю почему-то, как он подошел однажды к своему шкафчику, открыл его, а мне приспичило подбежать и со всей дури заехать по дверце ногой. Она захлопнулась с металлическим грохотом. Чудом Виспоинт отдернул руку. А еще как-то мы поспорили, кто первый опрокинет поднос с обедом на Роя. Пытаюсь вспомнить, кто был зачинщиком. Воспоминания даются нелегко. Просто это был тот же, кто стоит сейчас и втыкает в мост, прячась за мыслями о бесконечности. Голоса звучат в памяти и вырываются из нее раскатистым эхом.

– Да ладно, поржем. – Это мой голос двухлетней давности,

весьма мерзкий. – Всего лишь поднос! Мы же не бомбу ему подкладываем.

– Ничего страшного, – вступает Осборн Квинс. – Постирет дома шмотки.

И Джерри поддерживает нас, хотя, если бы его рубашку испортили, обидчик лишился бы рук.

– Ну что, по пять баксов. – Опять мой голос. – Кто первый, тот забирает банк.

– Откуда ты знаешь, что он прямо так и будет тебя ждать. – Ланкастер как будто хочет сдать назад. – Бегать за ним будем, что ли?

– Да не бегать! Получится, так получится, а нет – то и пусть. Ладно, это же просто шутка!

В тот же день поднос стоял на самом краю стола. Эта деталь не ускользнула от меня, а обед скользнул с моей стремительной подачи прямо на Роя. Потом ко мне подошла Мэри-Энн.

– Шон, зачем ты так? – Она взяла меня за руку и посмотрела как-то грустно.

– Да ну брось! Это же просто прикол.

– Это не смешно. Иногда ты просто невыносим, Фицджеральд. Ты же хороший, откуда в тебе столько этого говна!

– Какого?

– Ты знаешь. Мне кажется, у тебя все в порядке должно быть с самооценкой. Когда начинала с тобой встречаться, не думала, что тебе нужно будет кому-то что-то доказывать. Уж

тем более с Роем.

И мне стало стыдно. С Мэри-Энн мне всегда становилось стыдно после дурацких выходов, особенно если она начинала отчитывать. А ведь только она и могла меня отчитать. Друзья всегда были на моей стороне, родители и половины из того, что происходит в школе, не знали, а Мэри-Энн никогда не молчала. Фразу «Какой же ты придурок, Фицджеральд!» ей иногда приходилось повторять по пять раз на дню. И все равно она была со мной, потому что каждый раз после того, как вызывала во мне чувство стыда, нежно целовала, обнимала или клала голову на плечо. Хотелось бы верить, что рядом с ней у меня получалось быть лучше, да только это все сказки.

– Почему кто-то становится жертвой, а кто-то – агрессором? – как-то спросила она. Мы сидели на лужайке перед ее домом и пили колу. – Почему ты позволяешь себе решать, кто хуже, а кто лучше?

– Да никто не хуже! – вырвалось у меня возмущенно.

– А если бы меня кто-то так же доставал, как вы Роя? – Мэри-Энн была мастером незамысловатых стратегий наступления.

– Если тебя кто обидит, не спущу. Если хоть слово кто тебе скажет...

– Да ладно, Шон, – она снова смягчилась, – никто меня не обидит. Просто если представить...

Но у меня не получалось представить. Потому что, когда

тебе пятнадцать, у тебя же с представлениями вообще туго. Проще говоря, представления у тебя, какой бы ты ни был умный, сильно ограничены. Свой – чужой, сильный – слабый, победитель – неудачник. Нет полутонов, нет никаких усложнений. Как бы нам в школе ни втюхивали эти телеги про взаимопонимание, в пятнадцать лет почти нет шансов в этом преуспеть. Да просто некогда ставить себя на место другого человека, потому что собственная жизнь несется со скоростью света и только бы успеть поймать.

Рой ничем особенно не выделялся – был обычным, а мы доставали его. Через месяц после риторических вопросов Мэри-Энн он ушел из нашей школы. Как будто не из-за нас, конечно. Хочется верить, что не из-за меня, но не выходит. Почему действительно кто-то вообще позволяет себя травить? Почему кому-то приходит в голову травить других? Мне ли задавать такие вопросы...

Возвращаюсь домой, быстро делаю себе пару больших сэндвичей с беконом, говядиной, листьями салата, майонезом и кленовым сиропом. Быстро съедаю все, запиваю соком и закрываюсь в своей комнате. Мы почти никогда не ужинаем с родителями. Денег у родителей тоже не беру, да мне и не много надо – только на бумагу, клей и новые канцелярские ножи. Когда-то – кажется, в прошлой жизни – у меня был футбол. Мне нравилось бегать по полю, планировать, кричать, срывая голос, и падать почти без сил на скамейку в

раздевалке после игры. Все пророчили мне спортивные успехи, да и звезда школы – предел мечтаний, чего уж там. Отец от гордости чуть не лопался. Но мне всегда нравилось и клеить макеты зданий из бумаги. Сидеть над трехэтажным домом ночами, выгибать подоконники и ступеньки парадных.

– Фицджеральд, ты вообще что, серьезно вот этими своими бумажками планируешь заниматься? – заявил как-то тренер во время школьной выставки талантов.

– Мне нравится.

– Твой талант – это футбол. – Тренер указал на растяжку с названием выставки. – А у тебя, я смотрю, слишком много свободного времени. Давай-ка добавим тренировок. Тебя университеты с руками оторвут.

И как-то макеты резко отошли на второй план. А потом и на третий. Потому что в перерывах между тренировками только и успевал дух перевести, домашку списать у Мэри-Энн да поглумиться над кем-нибудь между делом.

Зато теперь вот даже дверные ручки делаю. Маленькие такие, над ними приходится попыхтеть. Психолог сказала, это такой уход от действительности. Сказала, хорошо, что занимаюсь чем-то мелким и кропотливым, – это помогает не думать. Но на самом деле – фигня, это только провоцирует мысли. Когда бегаешь с мячом с утра до ночи, вот тогда мыслей ноль. Мне даже не снилось почти ничего, кроме схем и стратегий предстоящих игр. А теперь окно за окном, стена за стеной, двери, карнизы, ступеньки. Каждый вечер передо

мной белый лист, с которого никогда не начать новую жизнь, и набор канцелярских ножей, которые одинаково легко разрезают как бумагу, так и кожу. Главное – надавить посильнее, чтобы лезвие проходило пластиковую подложку почти насквозь. Потом на каждой маленькой детали надо наметить желобки сгибов – надрезы, совсем не глубокие, как будто царапины, даже не до крови. Вчерашний шрам на руке ноет и то и дело задевает об острые края бумаги. Шрам – это на самом деле ожог. Такие случаются, когда работаешь в кафе, жаришь котлеты для бургеров. Такие ожоги – обычное дело для кухонных работников. Особенно для неуклюжих кухонных работников. Но совершенно не нормально для меня. Я делаю это специально. Однажды психолог спросила, как мне удается клеить такие точные макеты из бумаги и в то же время так неосторожно вести себя на работе. Пожал плечами.

Рита

На дне рождения у Тима собирается, кажется, полшколы. Пиво течет в пластиковые стаканчики, куски пиццы разлетаются, как военные самолеты с авианосцев. Все веселятся, обнимают друг друга. Десятки селфи летят в Сеть с подписями, хештегами и геометками.

Самые красивые девчонки и самые крутые парни. Конечно, изгоев вроде Шона Фицджеральда не приглашают. Вспоминаю о нем, когда случайно вижу на заднем плане одной из фотографий в ленте. Памела ускакала куда-то поболтать по мобильнику со своим парнем, а я растерялась и уткнулась в телефон. Это вообще лучшее спасение – телефон. Если тебе грустно, неловко или скучно, ты всегда можешь скрыться в потоке маленьких картинок, затеряться там, чтобы тебя не нашли. После несчастного случая с Питером я себе места не находила, не хотела ни с кем разговаривать, никуда выходить, и у меня началась депрессия. Психолог посоветовала завести блог. «Замечай красивые вещи, – сказала она тогда, – фотографируй и выкладывай. Старайся больше обращать внимания на позитивное». А это ведь затягивает. Блог, думаю, в самом деле меня спас. У меня хорошо получалось ловить солнечные лучи, бьющие через окно или рисующие дорожки света на зданиях.

Ближе к середине вечера Тим берет меня за руку и уводит

на заднее крыльцо. Там мы пьем пиво, болтаем, вдруг Портер целует меня в шею. У меня кружится голова. Пальцы на руках почти немеют с приятным покалыванием каждый раз, когда Тим обнимает меня.

– Ты такая красотка, Рита, – шепчет он мне на ухо.

– Тебя гости не потеряют?

– Ты что, меня отшиваешь? – Портер театрально морщит лоб.

– А ты что, меня клеишь? – Как-то слишком легко вырываются слова, подталкиваемые алкоголем.

– Мне кажется, я уже приклеился, – он смеется. – Просто оторваться от тебя не могу. Пойдем наверх?

Я вопросительно смотрю на него.

– Ну в смысле, – ему плохо удастся притворяться растерянным, хотя, думаю, он и не особенно старается, – давай покажу тебе свою комнату?

– Я хотела найти Памелу, – говорю.

– Она не заблудится. Ну точно, видишь, я приклеился намертво. – Тим кивает на наши руки и настойчиво тянет меня в дом, потом по лестнице наверх.

Он закрывает за нами дверь своей комнаты, толкнув ее ногой, крепко обнимает меня за плечи и сажает на кровать. Я смеюсь и отвечаю на его поцелуи, которые становятся откровеннее и смелее. Все крутится, двигается как в быстрой перемотке. Его рука уже у меня под платьем, уже у меня в трусиках. О боже! Я моментально трезвею, пытаюсь отодви-

нуться. Его пальцы делают то, к чему я не готова.

– Тим, погоди! – Я на секунду вырываюсь из хватки его поцелуев.

– Да ладно, не парься, Рита, – говорит он, впиваясь языком мне в шею и двигаясь ниже. – У меня есть презервативы. Все нормально.

Я чувствую себя полной дурой. Как можно было не подумать об этом, соглашаясь подняться к нему в комнату! Как можно было не подумать об этом, соглашаясь вообще на любое приглашение Тима! Свой первый раз я представляла иначе. Конечно, я была бы рада, если бы все произошло с Тимом, но не так. Не на шумной вечеринке. Не его пальцами.

– Тим, – говорю сдавленным голосом, высвобождаясь из его рук и поцелуев, которые вдруг в один момент начинают отдавать сигаретами и алкоголем. – Погоди! Что ты делаешь?

– Хочу заняться с тобой сексом, – усмехается он и быстро двумя руками стягивает с меня трусики.

– Я не хочу, – произношу. – Точнее, хочу, но давай не здесь.

– А что плохого здесь?

Он задирает мне платье.

– Тим, я не готова...

– В смысле? – Он поднимает на меня глаза. – Я еще и не начал.

Меня вдруг начинает подташнивать. Я совершенно не думала о таком исходе, что было глупо с моей стороны. Теперь

придется все объяснять.

– У меня просто раньше никогда не было...

Он резко разочарованно выдыхает, потом смотрит на меня подозрительно.

– Ты что, девственница?

– Ну... да...

– Блин! Вот черт!

– Извини, Тим...

– Ладно уж, – снова выдыхает он. – Но тебе не кажется, что сегодня отличный день, чтобы лишиться девственности, а?

– Я не готова...

– Черт! – Тим матерится. – Ну ладно, давай одевайся.

И весь вечер он ходит с испорченным настроением. Я, с одной стороны, как будто понимаю его, но, с другой, чувствую брезгливость и какое-то отчуждение. От него, от всей этой вечеринки, от пошатающихся одноклассников, от быстрого секса в чужих спальнях. Я хотела, чтобы Тим привел меня к себе в пустой дом, чтобы мы долго целовались, потом просто лежали рядом, а уже потом... А он смотрит так, будто обнаружил во мне ужасное уродство.

Шон

Еще один день, когда надо заставить себя проснуться. Заставить себя открыть глаза, встать с кровати, дойти до ванной, включить воду. Надо заставить себя идти в школу. Принимаю душ, взъерошиваю волосы. Не расчесываюсь – наплевать. Смотреть на свое отражение – это слишком, хотя никуда от него не деться. Как-то даже раскроил себе руку, ударив по зеркалу в ванной кулаком. Здоровый осколок врезался тогда между костяшками пальцев, кровища хлестала, как из банки со взболтанной коллой. Мама перепугалась, расплакалась и, конечно, подумала, что это было специально. Отец сообщил психологу. И опять началось. Папа потом сказал строго:

– Зачем ты так?

– Как?

– Зачем ты так с нами, Шон? Подумай хотя бы о маме! Она места себе не находит после твоих срывов...

– Это был не срыв! – Мой голос звучал громче. – Просто не рассчитал.

– Сынок... – отчаянно вздохнул отец. – Если бы это было в первый раз...

Понятно, конечно, о чем он. Не первые мои порезы, не первые мамины слезы, но в тот раз все было по-честному. В тот раз просто не хотелось смотреть на себя и надо было как-

то выключить отражение.

– Я не специально, пап! – выговорил, стиснув зубы.

Мог бы повторять это снова и снова, потому что именно тогда действительно не хотел порезаться, но мне больше никто не верил. Мы купили новое зеркало, но какой от этого толк. Можно заменить сколько хочешь зеркал, но себя не заменишь.

Потоки учеников в коридорах двигаются в обоих направлениях, но обтекают меня – как огонь не трогает яму, заполненную водой. Иду к классу мимо радостного смеха, мимо сплетен, шуток и косых взглядов. Иногда хочется остановиться и посмотреть, пройдет ли поток насквозь. А иногда, кажется, физически ощущаю их ненависть и презрение. И глупо прятаться – это висит в воздухе, образует вокруг отталкивающий кокон. Не дает ни на минуту забыть, кто здесь чужой. Вдруг парень из соседнего класса случайно задевает меня плечом, и картинка, которая только что была такой четкой, вдруг рассыпается. Потоки смешиваются в хаотичную тучу.

– Извини, Шон, – бормочет он и хочет похлопать меня по плечу.

Резко отстраняюсь.

– Да ладно тебе! – улыбается он, машет рукой и как ни в чем ни бывало идет дальше.

Как ни в чем ни бывало. Как будто все в школе Брод-

нек как всегда. Оглядываюсь. Пара девчонок улыбаются мне, но как-то натянуто, неловко. Учитель химии, проходя мимо, ловит мой взгляд и кивает. Я как будто на секунду перестаю быть призраком. Меня как будто выпускают из камеры подышать воздухом. Но нет, прогулка окончена. Засов падает. Я опускаю голову, надвигаю пониже капюшон и иду в класс.

Одноклассники мои сегодня как вареные. Даже передовые личности не стремятся бодриться. И тут вспоминаю – вчера был день рождения Тима Портера.

Портер люто меня ненавидит, и, признаться честно, у него на это есть все основания. В старшей школе мы сразу попали в один класс и, конечно, в одну команду. И так как оба до этого неплохо играли в футбол, оба метили в основной состав. Ох, как же он разозлился, когда в итоге выбрали меня.

Но самое крутое было, когда из-за меня у Портера в прошлом году сорвался день рождения. Очень уж хотелось подколоть его. Всего-то нужно было заранее, недели за три, пригласить всех на суперкрутую тусовку, а еще скинуться и закупить продукты и алкоголь. Когда все в доле, никто потом не соскочит. Конечно, все согласились. Ну правда, когда тебя приглашают на вечеринку в старшей школе, неужели ты вспомнишь, что в этот же самый день через три недели у твоего одноклассника или товарища по команде день рождения? Да никто не вспомнит, а потом уже поздно. Очень секретно все было придумано, и Портер вообще был единствен-

ным, кто не знал о намечающемся празднике. И вот он на перемене за два дня до своего торжества решил сделать сюрприз: вскочил на парту, как первобытный воин на камень, и громко заявил:

– Всех приглашаю на день рождения!

И тут все резко вспомнили, и весь класс такой: «О-о-ох...» И Портер обмяк прямо. Это было смешно.

– Тим, дружище, прости, – первым отважился высказаться Квинс. – У нас уже планы.

– Вот черт! – подхватил Ланкастер. – Как же из головы вылетело. Давай в другой день, а?

– Что значит «в другой»? – Портер моментально рассвирепел. – Я всегда праздную день в день. Это важно.

– Ну, чувак, – опять вступил Квинс. – Ладно тебе, у нас просто уже все закуплено. Мы у Шона собираемся...

Портер аж чуть не подавился и бросил на меня такой взгляд, что, будь это мяч, пробил бы грудную клетку. В тот момент, думаю, всем стало ясно, что у нас с Портером война. Мне оставалось только торжествующе улыбаться. Кто-то тогда к нему, конечно, пришел, но большинство были у меня. Кто-то потом несколько дней считал меня полным засранцем, но не критично.

Такие финты мы с Портером друг другу подкладывали постоянно. Обломать другому кайф было любимым делом. Только девчонок не трогали. У меня была Мэри-Энн, Тим объявил себя полигамным независимым самцом.

Как странно: эта подстава с днем рождения была всего-то год назад, а кажется, будто целая вечность пронеслась. Сейчас у Портера на руках все козыри. Сейчас у него, конечно, собираются все любители вечеринок. И нет больше никакого смысла строить коварные планы. Враг самоликвидировался.

На уроках делаю вид, что пишу, уткнувшись в тетрадь, но на самом деле продумываю лестницу у макета здания суда. Там еще изогнутые перила и площадка, выложенная большими плитами. И еще фонтан, такой классический, круглый, трехъярусный. И еще надо разгрести ветки в ящике стола. Если их ошкурить и покрасить белой краской, получатся отличные деревья для сквера. Кроны можно сделать из мягкого поролона. А можно сделать зиму, и тогда не париться с листвой. Или набросать под деревья мелкие обрезки – тогда получится осень, бесцветная, монохромная. Все думают, что времена года – это цвет. Лето – десятки оттенков зеленого и красные, голубые, бордовые клумбы. Весна – молодая зелень, бутоны и розовые лепестки. Осенью все заполняется желтым, багровым, оранжевым. На самом деле любое время года можно изобразить белым. Можно обойтись совсем без цвета – и все равно будет понятно. Рисую схему лестницы и даже не замечаю, как заканчивается урок. Сейчас ученики вскочат, схватят тетради, сумки и потекут потоком по коридорам. Мимо меня, сквозь меня, стараясь не задеть, чтобы не вымазаться.

После уроков, выезжая с парковки, вздрагиваю от резко-го звука. Белый «форд» сигналил мне. Мне? Сигнал вырывает меня из уже ставшего привычным состояния абсолютного одиночества. Как в фильме «Я легенда», если бы вдруг из-за угла выкатилась толпа людей, герой бы от удивления в штаны наложил. Нажимаю на тормоз так резко, что едва не влетаю головой в руль, хотя скорость-то на выезде с парковки детская. Мурашки под футболкой подпрыгивают. Выпучив глаза, смотрю на белый «форд». Это Рита Грейсон, новенькая блондинка, которая уже успела закрутить с Портером. Красивая. Задержал бы даже на ней взгляд, но ее губы складывается в слово «придурок». Не сразу соображаю показать ей жестом, чтобы проезжала вперед, поэтому получается запоздало и нелепо. Когда тебя не замечают, ты отвыкаешь реагировать на стандартные ситуации. Строго говоря, стандартные ситуации кажутся тебе чем-то совершенно нестандартным.

Рита

Как же я боялась, что Тим теперь и смотреть не станет в мою сторону. Он и правда пару дней держался холодно, но потом оттаял. Что-то вспыхнуло между нами, и вот мы уже целуемся на переменах, обнимаемся. Мы начинаем встречаться, Тим таскает меня на футбольные матчи и вечеринки. Я отвлекаюсь от мыслей о Питере. Ведь, как бы там ни было, все в моей жизни сосредоточено вокруг него. Мне тяжело об этом думать, как тяжело бывает смотреть в глаза брату и прятать жалость. Все, что у него осталось, – книги и компьютер. Все, с кем он общается, – учителя и психолог, которая вообще живет в Северной Дакоте. Но даже они его не видят. Веб-камера на компьютере Питера заклеена пластырем, как рана или ссадина, которая никак не заживает. Я не удивлюсь, если он бережно меняет пластырь каждый раз, когда тот начинает немного отходить от пластика. Мне стыдно, и меня переполняет чувство вины за то, что у меня есть друзья, школа, романы, у меня есть яркие фотографии и жизнь, а у Питера нет. Я не люблю говорить с друзьями о своем брате – в горло сразу вцепляется вина и не отпускает. И еще я отчаянно хочу вытащить Питера на улицу. Хоть куда-нибудь, хоть на задний двор поздно ночью. Мне бы больше всего на свете хотелось познакомить его со своими друзьями. Познакомить с Тимом, с Памелой, звать его на вечеринки, сидеть рядом с

ним на футболе и болеть за школьную команду. Я очень хочу помочь ему выбраться из кокона, поэтому, когда Памела в очередной раз пристаёт с расспросами, я приглашаю ее в гости.

«Знаешь, – предупреждаю, – ты только не жди, что Питер будет с тобой общаться. Он, скорее всего, даже не спустится». Памела кивает. Она заинтригована и раззадорена собственными фантазиями, а меня не покидают сомнения. Но в конце концов, я же имею право позвать в гости друзей. В конце концов, я же не затворница. И очень хочу, чтобы Питер таким не был. С другой стороны, втайне я надеюсь, что Питер будет в своей комнате, услышит, что я пришла не одна, и не спустится. И тогда все будет идеально: напористое любопытство Памелы удовлетворено, моя попытка ей угодить засчитана, и уединение Питера не нарушено.

Когда мы входим в дом, я стараюсь наделать как можно больше шума и даже кричу, что вернулась не одна, а сама прислушиваюсь. Наверняка Питер сидит за книжками в своей комнате. Мысли проносятся так быстро, что я не замечаю, как мы с Памелой почти на автомате проходим в кухню.

– Привет! – радостно почти вскрикивает Памела, увидав там Питера.

Он стоит у разделочного стола спиной к нам. Только Памела открывает рот, брат напрягается.

– Питер, так ведь? – радостно и непринужденно говорит

Памела.

Я почти слышу хруст костяшек пальцев – так сильно Питер сжимает рукоятку ножа.

– Привет. – Он поворачивается в профиль, в свой безупречный профиль, замирает на несколько секунд, потом так же сдержанно продолжает: – Простите, я порезался. – Закрывает ладонь полотенцем и уходит.

– А он красавчик! – выпаливает Памела, едва Питер исчезает за углом.

Вот дура! Дура. Дура! Он же просто скрылся от тебя! От нас. Он не поднялся по лестнице и не пошел в ванную. Он стоит за стеной и глубоко дышит, пытаясь прийти в себя. И он, уж конечно, все слышит.

– Правда, он крутой! – снова произносит Памела.

– Все, ладно, – пытаюсь сменить тему. – Давай пойдем погуляем. Или по магазинам...

Я не знаю, что сказать и как поскорее вытряхнуть ее отсюда. Слышу тихие шаги – Питер поднимается по лестнице.

Питер

Я спускаюсь сделать себе сэндвич. Люблю, когда дом пустой, когда никого нет, когда даже мое ровное дыхание как будто отлетает от стен неслышным эхом. Наверное, только в такие моменты я и могу чувствовать себя по-настоящему свободным. Моя свобода теперь в одиночестве, в стенах дома. Моя свобода быть невидимым, не выходить, не общаться с людьми. Моя свобода – прятать себя, потому что то, что некрасиво, должно быть спрятано. Разве не может быть такой свободы? Разве свобода – это не выбор, который ты делаешь исходя из обстоятельств? Разве свобода – это не то состояние, в котором тебе удобно и комфортно? И разве состояние это не может меняться?

Два квадратика хлеба на разделочном столе – как абсолютно одинаковые картины в галерее современного искусства. От них приятно пахнет дрожжами. Я мажу один горчицей, отрезаю ломтик помидора, когда слышу шум в гостиной и голос Риты. Она кричит, что вернулась из школы не одна. Я замираю в панике.

– Привет! – слышу радостный незнакомый девичий голос. – Питер, так ведь?

Я сжимаю рукоятку ножа так сильно, что она вот-вот прожжет ладонь. Мне хочется воткнуть острое прямо в толстую разделочную доску. Хочется вонзить его со всей силы в ку-

сок говядины или себе в руку. Неужели маленький клочок моей свободы для Риты ничего не значит? Не так уж много у меня осталось. И это после ее настырных попыток вытянуть меня из дома! Последние несколько месяцев мы часто обсуждали это. Да я только это и слышал! И теперь такое? Она привела подружку? Это выглядит как злая издевка.

– Привет. – Стараюсь выглядеть вежливым, поворачиваюсь левой стороной лица.

Рука, сжимающая нож, срывается, и лезвие полосует по пальцу. Я порезал себя. На секунду в голове все заволакивает туманом. Я по-прежнему сжимаю нож. Ломтики помидоров, куски хлеба, упаковка соуса, кухонные шкафы и дрожащие пальцы начинают вращаться, как в калейдоскопе. Никогда не понимал, как люди могут причинять себе вред. Много раз я думал об этом. Что движет теми, кто идет на это, смелость или слабость? Вот так взять и порезать себя намеренно – нужна ли для этого храбрость или достаточно крайней степени отчаяния? Не сказал бы, что с моей стороны это отважный поступок. Скорее, неконтролируемый. Это как когда необъезженный жеребец сбрасывает наездника, срывается с привязи и мчится галопом прочь. Кто-то посторонний вторгается в мое пространство. Кто-то проникает в мой мир и грозит разбить его. Вирус, нарушивший иммунные барьеры, теперь опасен.

– Простите, – говорю, – я порезался. – Наспех заматываю руку полотенцем и быстро ухожу.

Не прощу этого Рите. Даже не передать, как я злюсь на нее. Пытаюсь отвлечься Эйнштейном или Ганди, но буквы разбегаются по страницам и еще больше бесят. Швыряю книги в угол одну за другой.

* * *

– Что это было такое? – Перехватываю Риту прямо у двери, когда она возвращается домой вечером.

– Отпусти! Больно! – просит она.

Я даже не заметил, как сильно сжал ее руку. От злости. От обиды. От того, что ей сегодня было совершенно на меня наплевать.

– Какого черта! – цежу сквозь зубы и разжимаю пальцы. – Это было подло!

– А что, мне нельзя привести подругу в гости? – Рита пытается нападать, и меня это взрывает.

– Хотела ее со мной познакомить? – шиплю.

– Нет, – очевидно врет она и тут же уходит в оправдания. – Ну а что такого? Питер, почему бы тебе не познакомиться с моими друзьями...

– Потому что они не захотят на меня смотреть!

– Ты несправедлив...

– Как будто ты не знаешь!

– Я же могу на тебя смотреть, и мама, и папа! – Рита едва не плачет. – Мы же знаем, какой ты на самом деле...

– Можешь на меня смотреть, да? – рычу и не могу остановиться. Как будто все эти два года где-то внутри меня тайно копилась злость и теперь вырвалась, сорвав запоры. – Так смотри!

Я поворачиваюсь в анфас. Меня чуть только не трясет от ярости. Кажется, я никогда не испытывал ничего подобного.

– Можешь смотреть на меня? – повторяю, и сестра не отворачивается. Сжимает губы, но не отводит глаз. – А я не могу! – обрываю.

Больше мне нечего сказать. Ухожу к себе и сижу в комнате весь вечер.

Уснуть никак не получается. Конечно, родители узнали о нашей ссоре с Ритой, и папа приходит ко мне. Осторожно стучится, входит в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.